

Социальная справедливость в России: региональные и этнонациональные, социокультурные и религиозные аспекты

Д.Ш. Халидов

Проблемы социальной политики и пути достижения социальной справедливости в стране, которые поднял В. Путин¹, активно обсуждались и вселили некоторый оптимизм в социальных «низах». Но эти проблемы стоит обсуждать в широком контексте: социокультурном и политическом, региональном и этнонациональном. Ибо при таком комплексном подходе можно увидеть противоречия, логические нестыковки в подходах к социальной политике, которые бросаются в глаза при их сравнении с общим вектором финансовой и экономической политики страны, с евразийским строительством, региональной и этнонациональной политикой в стране. *Можно ли совместить в одной «упаковке» идеологию неолиберализма и решение проблем социальной справедливости? Какие мифы получили наибольшее распространение вокруг обсуждаемой темы в России? Насколько адекватно отражает социальная политика государства социокультурные, национальные и региональные особенности?*

Мифология вокруг темы о социальной справедливости

Миф о сокращении бедности. Некоторые СМИ, политики и эксперты говорят о сокращении доли бедных в стране за последние 10 лет до 15–17% населения. Но официальные данные существенно разнятся с данными социальной статистики и соцопросов населения. На это обратили внимание д.э.н. В. Симчера², академик О. Богомолов³, член-корреспондент РАН Н. Римашевская⁴ и другие ученые.

Вопрос о бедности, безусловно, политический вопрос. В советскую эпоху предпочитали говорить о минимальном потребительском бюджете (МПБ). В МПБ в структуре расходов доля питания составляла 52%, а доля услуг —

¹ Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. Комсомольская правда, 13.02.2012.

² Шокирующая правда об истинном положении дел в России. Бывший директор НИИ статистики Василий Симчера со словами: «Надоело врать!» представил реальные данные / <http://www.rv.ru/content.php?id=9321>.

³ Богомолов О. В чем причины опасной социальной поляризации (материалы семинара ЭККАР по теме «Неравенство и развитие». М., 2003) / http://www.fastcenter.ru/ecaar/newsletter8_r.htm#sr2; Богомолов О., Симчера В. Навигатор для президента. Завтра, № 9 (март), 2012.

⁴ Римашевская Н.М., Гл. 1.6. Бедность и маргинализация («социальное дно») // монография, «Человек и реформы: Секреты выживания». 2003, М., Изд. РАН / <http://ecsocman.hse.ru/data/228/682/1219/1.6.pdf>.

15,0%⁵. Но разрушительные реформы 1990-х отбросили подавляющее большинство населения страны, составлявшее ядро советского среднего класса, за черту бедности, измеряемой уровнем МПБ. Если считать по старой методике (МПБ), в число «бедных» попадали почти 80% населения. Появились так называемые новые бедные. Это те, кто по образованию и квалификации, социальному статусу и возрасту составляли «средний класс» в советский период и имели достаток выше МПБ. Работающие бедные — учителя и врачи, служащие и рабочие — чисто российский феномен. Тогда был придуман новый показатель бедности — бюджет прожиточного минимума (БПМ), согласно которому доля расходов на питание составляет 68,3%, а расходы на услуги — 7,4%. Если считать по БПМ, то доля бедных в стране уже не столь шокировала публику: всего-то около 30–35% (на начало 2000 г.), однако то, что в России считают бедностью, согласно критериям ООН, признается нищетой.

По этим критериям в стране реально бедных около 60–75%, из которых около 15% составляют нищие и деклассированные элементы: одинокие престарелые, бомжи и алкоголики, наркоманы, беспризорники и проститутки. *«60% всего взрослого населения страны и 40% социально активного населения живут очень бедно, — гласит доклад Института общественного проектирования от 2006 г. — Их личные доходы составляют от 25 до 110 долл.»*⁶.

Нет оснований думать, что ситуация с тех пор изменилась кардинально, учитывая кризис 2008–2009 гг. и его последствия для наиболее уязвимых социальных групп. Приведенные выше данные четко коррелируют с данными опроса ВЦИОМ в те же годы. Около 55% населения страны наиболее привлекательными для себя партиями назвали те, которые выступают за социальную справедливость и социальную защиту населения.

Миф о децильном коэффициенте. Еще одна актуальная проблема методологического характера в связи с темой обсуждения — способность *децильного коэффициента (ДК)* адекватно оценивать параметры социального расслоения. Во-первых, значительно расслоение по доходам работников внутри одних и тех организаций (госучреждений, корпораций). Зарботки топ-менеджмента различных ОАО, госкорпораций и государственных институтов (в сфере образования, здравоохранения и т. д.) — в пределах от 0,3–0,5 млн руб. до нескольких млн руб. в месяц, рядового состава — несколько десятков тыс. руб. Здесь очевидно копирование американской практики, где соотношение доходов высшего звена управления и основной массы работников в нескольких сотнях компаний росло с каждым годом: от 40:1 в 1980 г., 120:1 в 1995 г. и до 200:1 в 2000 г.⁷

Во-вторых, сомнительна объективность официальной оценки самого ДК (15,0–16,7⁸ за последние годы). По данным профессора В. Симчера, реальное значение ДК в России лежит в пределах 28–35. Это очень высокая цифра, скорее характерная для среднеразвитых стран Африки и Латинской Америки.

⁵ Там же.

⁶ Социологическое исследование Института общественного проектирования на тему «Стратификация российского общества»: авторы Т. Гурова, М. Тарусин. (В ходе исследования было опрошено более 15 тыс. человек в 408 населенных пунктах в 2005).

⁷ См. Егшиянц С.А. Тупики глобализации. С. 63.

⁸ По данным госстатистики: см. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) / <http://ru.wikipedia.org/wiki>. Доходы населения России).

В-третьих, существуют проблемы оценки доходов сверхбогатых (долларовых миллионеров и миллиардеров), что не позволяет считать релевантным сравнение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных для оценки социальной справедливости. Когда доходы верхних слоев российского общества в сотни раз превосходят доходы большинства населения и в десятки раз — доходы среднего класса (около 15–20% населения), мы имеем дело с предвестниками социального расизма — со множеством территорий, живущих своей особой и недостижимой для остальных жизнью, окруженной морем нищеты и социальной безысходности. Именно такой образ и стиль жизни предрек миру в целом еще в начале 1980-х гг. Жак Аттали, теоретик мондиализма. Еще один негативный эффект подобного социального расслоения связан с уменьшением потребления и спроса как с результатом сокращения влияния мультипликационного фактора (согласно теории Дж. Кейнса).

Представляется, что официальная оценка значения ДК в России не передает всего драматизма ситуации с социальным расслоением. Перерасчет ДК, с учетом теневых доходов, и оценка его значения в пределах 28–35 (по данным В. Симчеры) в какой-то степени адекватно эксплицируют ситуацию с социальным расслоением. Тем не менее, учитывая все вышеизложенное, для оценки степени социального расслоения можно было бы предложить сравнить доходы наиболее богатых 5% населения с доходами наиболее бедных 10% или 20% населения.

С такой постановкой проблемы социальной справедливости связан и вопрос о *социальной стабильности*. Как правило, западные социологи считают значение ДК на уровне 10–12 опасной для стабильности в обществе. Такое расслоение выводит на улицы десятки и сотни тысяч, а то и миллионы граждан этих стран, и правящий класс вынужден идти на компромиссы. Но так было в 1970–1980-е гг., когда еще существовал Советский Союз, а политика (социал-демократическая по сути) государства «всеобщего благоденствия» на Западе была направлена на создание устойчивого среднего класса. Времена изменились. Значение ДК, к примеру, за последние годы достигло в США 15,0, в Португалии, Испании и Греции — 10,0–12,0. И именно в этих странах мы наблюдаем наиболее мощные акции социального протеста, как бы подтверждая прогнозы социологов. В связи с этим актуален (в научном и политическом плане) вопрос: *какое значение ДК критично для России, если даже официально установленный уровень 13,9 (2001 г.) – 16,5 (2010 г.), который держится многие годы, не повлек за собой сколько-либо значимых массовых акций протеста?* Более того, социальное расслоение за последние 10–12 лет даже усилилось, косвенным индикаторами чего являются: а) увеличение доли долларовых миллиардеров за 2000–2011 гг. в разы (3-е место в мире после США и Китая); б) расширение географии «рублевок», своеобразных индикаторов наступающей эпохи социального апартеида и в) сенсационные признания экс-директора НИИ статистики. Как все это согласуется с обостренным чувством социальной справедливости и социального равенства присущим русской социокультуре, как полагают многие эксперты и политики?

Отвечая на последний вопрос, выдвину две взаимно дополняющие друг друга, *рабочие гипотезы*. Во-первых, в русской культуре силен и другой важный компонент — государственный. Во-вторых, традиционный на Руси (в особенности в советский период) авторитарно-бюрократический режим не

способствовал в прошлом формированию устойчивых социальных образований, способности к «классовой» самоорганизации и кооперации. «Левые» ориентации достаточно сильны — больше 50% населения, но они не получают адекватного отражения в политической и социальной борьбе за свои права.

Закономерен также вопрос: почему государство упорно отказывается от *прогрессивного налогообложения и налога на престижное потребление*? Только в предвыборный период 2012 г. В.В. Путин заговорил о налоге на роскошь, хотя и здесь много методических «подводных рифов». В странах со сложившимися социал-демократическими традициями (даже в англосаксонских) именно посредством этих «инструментов» сглаживаются социальные различия и социальные противоречия. Обоснования вроде того, что все это «для привлечения зарубежных инвесторов и пр.», — не могут служить оправданием.

Общим местом в экспертном сообществе стали также рассуждения о недостаточном финансировании социальных обязательств государства. С. Глазьев писал по этому поводу следующее: *«...социальные обязательства государства недофинансируются вдвое, а расходы на науку и стимулирование НТП остаются на порядок ниже дореформенного уровня... уровень расходов государства на социально-экономическое развитие в России, будучи одним из самых низких в мире, не отвечает ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала. Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, Российскому государству надо увеличить их на 4,9% ВВП»*⁹. И это, как отмечает С. Глазьев, результат сознательной политики, проводимой по рецептам МВФ начиная с 1990-х, и следствие демонетизации. При такой политике социальные расходы в бюджете РФ (на образование и науку, здравоохранение и социальную политику) в 2–3 раза уступают развитым странам.

Миф о легитимности. Вопрос о легитимности сознательно путают с проблемой законности. Власть не замечает реально фиксируемого социологами кризиса легитимности, который тесно связан с восприятием социальной и экономической ситуации как крайне несправедливой (около 90% опрошенных респондентов)¹⁰.

Этнонациональный и региональный аспекты проблемы

Актуальность «левой» ориентации на социальную справедливость в российском обществе, хотя несколько и снизилась с 1990-х гг. и модифицировалась, но еще сохраняет свою значимость. В «левой» ориентации большое место стала занимать национальная проблематика: в региональном разрезе — постановка вопроса *«кто и кого кормит в стране?»*; в федеральном, общегосударственном разрезе — постановка вопроса *«кто в доме хозяин и является ли русский народ по факту государствообразующим?»*; а на уровне отдельных регионов — актуализация вопроса *«богатых и «наглых» южан и бедных (местных) русских»*. Таким образом, постановка проблемы социальной справедливости в российском

⁹ Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России на 2008–2010 гг. / <http://institutiones.com/strategies/900-perspektivy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html?showall=1>).

¹⁰ См. более подробно: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. 2011.

обществе приобрела многомерный характер, который не сводится только к чисто экономическим аспектам.

Что характерно для освещения темы СС в этнонациональном и региональном разрезе? *Во-первых*, софизм и манипуляции, сознательная фальсификация данных социальной статистики и реальных фактов, приводимых лидерами национал-демократов. *Во-вторых*, национал-демократы нередко экстраполируют идею «отделения России от Северного Кавказа» и на другие регионы страны, в частности на Сибирь и Дальний Восток. Тем самым они демонстрируют идентичность своих позиций с установками либерал-прозападников, которые к региональной бюджетной политике подходят с позиций «рентабельности или нерентабельности» региона. Никакие геополитические и национальные интересы страны не могут иметь значение, коль скоро вопрос касается денег, этого высшего божества неolibералов. *В-третьих*, в постановке проблемы социальной политики в региональном разрезе национал-демократы демонстрируют откровенное невежество в том, что касается вопросов *бюджетного федерализма*. Впрочем, такую же неграмотность демонстрируют нередко и высокопоставленные чиновники, известные политики и пр. Невежество проявляется в путанице вокруг вопроса «*кто и кого кормит*», в непонимании природы федерализма и соотношения «донорства» и «реципиентства».

Бюджетный федерализм и проблема социальной справедливости. В рейтинг «самых дотационных» 20 субъектов РФ за 2010 г., вопреки расхожему мнению, входят только три северокавказских республики и 8 регионов Дальнего Востока¹¹. Чтобы сгладить региональные социально-экономические различия, используются различные механизмы перераспределения доходов между богатыми «донорами», с одной стороны, и бедными «реципиентами», с другой. Таким (основным) механизмом в РФ является федеральный *Фонд финансовой помощи регионам* (ФФПР), который был создан в 1994 г. и все последние годы является основой межбюджетных трансфертов (ФФПР консолидирует до 70% всех средств, предназначенных для регионов)¹², а в структуре федерального бюджета составляет около 15–20%. Распределение регионов страны на доноров и реципиентов есть объективный результат разделения труда внутри страны, или более выгодных условий для развития экономики. К примеру, нет никакой заслуги властей или населения Тюмени и Ханты-Мансийской АО в успехах по налоговым сборам. Разделение труда в рамках одной страны ведет к тому, что в одних регионах высокие сборы налогов, а в других — значительно меньше. При этом природная рента, полученная за счет экспорта ресурсов из Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, формирует немалую часть федерального бюджета¹³.

¹¹ См. Реальный размер дотаций Северному Кавказу. Русский обозреватель, 14.06.2011.

¹² Осетрова А. Проект бюджета-2007: что получают регионы? Сайт «Финам.ru», 05.09.2006.

¹³ Кстати, в странах с устойчивыми федеральными традициями ни один уважающий себя эксперт или политик, журналист или писатель не ставит вопрос о «донорах и реципиентах-иждивенцах». К примеру, в США штат Калифорния — бывший сверхдонор, ныне, после кризиса, попал в список реципиентов. А штаты Юта и Делавер — устойчивые высокодотационные штаты, и таких «иждивенцев» в США более десятка. Но никто об этом даже не вспоминает. Такого рода дискуссии затевают, как правило, идеологи сепаратистов: квебекские франкофоны (Канада), баски (Испания), шотландцы (Великобритания).

Как правило, чаще всего обсуждается тема непропорционально высокого финансирования Чечни. Действительно, бюджет Чеченской Республики в 2010 г. составил 67,19 млрд руб. (при населении около 1,3 млн чел.), из которых 58,114 руб. (или 86,5%) — дотации. Это тоже большая цифра, если «забыть» о том, что государственная компания «Роснефть» в Чечне добывает нефть и газ, налоги от этой деятельности идут напрямую в федеральный бюджет¹⁴. Бюджеты же соседних регионов Ставрополья и Дагестана в 2010 г. составили около 65–70 млрд руб. (при населении, почти 2 раза превосходящем численность населения в Чечне: соответственно, около 2,65 и 2,5 млн чел.). Вполне оправдан вопрос: почему при столь отличных данных по количеству населения субъектов РФ их финансирование примерно одинаково?

Отвечая на этот вопрос, часть экспертов ссылаются на трудную судьбу Чечни за последние 20 лет. Перенесенные две военные кампании, более 150 тыс. погибших, столько же, а то и больше, инвалидов и больных, травмированных войнами и беспределом боевиков и силовиков; разрушенные экономика и социальная инфраструктура. Все это надо восстанавливать, да еще продемонстрировать Европе добрую волю федерального центра. Дороже обойдется, если все будет пущено на самотек, а иски и претензии к Москве и решения Страсбургского суда обойдутся, быть может, еще дороже. Есть уже прецеденты. Поэтому стоит поставить вопрос в другой плоскости: 1) *как обеспечить наиболее эффективное использование налогового потенциала сверхдотационных национальных образований (Ингушетии, Чечни, Тывы, Дагестана и др.)*; 2) *что необходимо сделать, чтобы эти субъекты РФ оптимально включить в межрегиональное, общероссийское и мировое разделение труда*? Разумеется, эти проблемы не решить без нейтрализации коррупции и теневой экономики.

Распределение налогов между бюджетами разных уровней. Другой механизм, используемый для выравнивания социально-экономического положения регионов, — распределение налогов и вненалоговых сборов между бюджетами федерального центра и регионов. Хорошо собираемые налоги без всякого расщепления поступают в федеральный бюджет (к примеру НДС). Тогда как в нормальных федерациях налоги, как правило, *расщепляются*: часть налога поступает в федеральный бюджет, другая часть — в региональный (к примеру в ФРГ, Канаде, Испании и т. д.). В таких странах в федеральные бюджеты поступают только 50–60% всех налогов и вненалоговых сборов. Таким образом, региональные власти мотивируются к повышению собираемости налогов и вненалоговых сборов. В России же в федеральном бюджете аккумулируются примерно 70% налогов и других сборов по стране. Пока же налоговая политика в стране нейтрализует стремление к повышению сборов и стимулирует установку на сокрытие доходов на местах. Рост налоговых сборов в регионе автоматически влечет за собой урезание дотаций и трансфертов.

Этническое разделение труда. Что касается постановки проблемы «*богатых южан (имеются в виду выходцы с Кавказа) и бедных местных россиян (в основном русского населения)*», то здесь важно объективное осмысление этого реально значимого социального явления. Прежде всего необходимо отделить причину от следствия: стало ли такое *этносоциальное расслоение* следствием

¹⁴ <http://eot.su/smi/analitika/khvatit-kormit-kavkaz-khvatit-kormit-rossiyu>.

коррупции среди местных органов власти и появления возможности (для российских кавказцев) увода части доходов в тень (подальше от фискальных органов) или же это явление — результат своеобразного *этнического разделения труда* (ЭРТ)? Как правило, эти два фактора взаимно дополняют друг друга. С одной стороны, мы имеем дело с коррупцией на уровне местного самоуправления, включая и правоохранительные органы, а с другой — с социологическим явлением этнического разделения труда. К примеру, азербайджанцы настолько умело, с минимальными издержками, выстраивают длинные цепи «от поля и до прилавка» или «от поля и рынка и до ресторанного стола», что мало кто способен конкурировать с ними в этом плане. Аналогично дело обстоит и с представителями армянской диаспоры, которые, умело кооперируясь, успешно проявляют себя в сфере среднего и малого бизнеса в торговле (сети коммерческих точек, супермаркетов; строительство и т. д.).

Ничего особенного в таком явлении, как ЭРТ, нет. Из социальной практики многих стран известно, что именно этнические меньшинства занимают в непропорционально высокой степени определенные бизнес-ниши в странах пребывания: китайцы — в Северной Америке и ЮВА, а в последние десятилетия — в России и странах СНГ; русские, к примеру, — в Латвии и Литве; кавказцы — в России и на Украине. Именно успех в бизнесе гарантирует определенный социальный статус, и именно на эту сферу не распространяются государственные ограничения и преференции. Так, для русских в Прибалтике закрыт путь государственной карьеры, и, как следствие, энергия социального самоутверждения канализируется в экономическую нишу. Аналогично, с некоторыми послаблениями, дело обстоит и в России, в том что касается кавказцев. Проблема еще усугубляется безработицей и низкими зарплатами в сфере реального производства, в котором широко представлены русские. Отсюда обостренное восприятие экономического неравенства и расслоения.

Но не следует забывать, что именно русская культура создавала великую державу, что именно эта культура требует высокой социальной и психологической мобилизации, в том числе и прежде всего в сфере научно-технологических продвинутых отраслей, военного дела, безопасности и т. д. Это культура больших пространств и стратегических целей и смыслов; культура государствообразующего народа. Соответственно выстраивается и система ценностей труда и профессий. Если оценивать «этническое» расслоение сквозь призму как особенностей разделения труда, так и роли русской культуры в державном строительстве, то проблема частично нейтрализуется, как мне представляется. Хотя все это вовсе не означает, что в русской культуре слабо предпринимательское начало. Социальный геноцид 1918–1930-х гг., направленный на кулаков и буржуазию, во многом лишил русский народ наиболее предприимчивого слоя людей.

Социокультурные традиции в русской истории. Нередко особенности восприятия социальной справедливости связывают с особенностями русской культуры, артельными традициями русской общины¹⁵. Еще во второй половине XIX в. Карл Маркс выдвинул противоречащую европоцентрической и взглядам русской социал-демократии идею о возможности построения соци-

¹⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма (духовные основы русской революции) / <http://lib.rus.ec/b/169602>.

ализма в России, минуя капитализм, с опорой на артельные традиции русской общины. *«Если Россия будет идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г. (т. е. к капитализму. — Примечание автора), — писал К. Маркс, — то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»*¹⁶. И далее: *«...специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что русская община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»*. В этом плане К. Маркс вполне солидаризировался с русскими социал-революционерами вроде Чернышевского и выражал недоумение по поводу приписываемой ему теории универсального характера капитализма и его всеобщности для всего человечества. Но насколько традиции социальной солидарности русской общины мы вправе рассматривать как исключительное явление русской истории?

Между тем русская история знала и другие типы общин, с другими моделями социальных отношений: *поморские, казачьи, староверские*, с несколькими иными моделями реализации социальной справедливости, предполагавшими сочетание частной и общинной собственности на землю. Безусловно, самой распространенной была крестьянская община в Центральной России (более 60% населения Империи во второй половине XIX в.). Для такого типа общины, в силу исторических, политических и геоклиматических условий, была характерна специфическая модель социального устройства, сочетавшего в себе общинную демократию с экономической уравниловкой. Такая модель опиралась на общинную собственность и традиционную практику ежегодного передела земли. Именно с этой практикой и связанной с ней социальной психологией крестьян столкнулись реформы Столыпина в 1907 г. Ненависть «мира» (общины) к кулакам — выделившимся из общей массы преуспевающим (рачительным) крестьянам — достаточно широко распространенное явление до и после Февральской революции. В Центральной России нечто подобное повторилось после неolibеральных реформ начала 1990-х гг., когда поджигали коммерческие лавки (или магазины) и фермерские хозяйства в сельской местности. Сотни, возможно, и тысячи таких фактов. Это та самая модель социальной справедливости, которую можно определить в терминах *негативного эгалитаризма (уравниловки)*.

Другие типы общин — *поморов или казаков*, где общинная собственность на землю вполне сочеталась с частной, в процентном отношении составляли меньшинство, но они серьезно влияли на жизнь окраин Российского государства. Именно переселенцы из поморских «черносошенных» (т. е. государственных. — *Прим. автора*) крестьян составили впоследствии ядро уральских казаков. Модель общины, утвердившаяся в поморской общине, более конструктивна и оптимальна с точки зрения социально-экономического развития общин. Если отвлечься от религиозно-исторических различий, примерно подобная же модель (опирающаяся на сочетание общинной и частной собственности на землю

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. М., 1961. Т. 19. С. 119.

и на гражданский тип общины) сложилась в лоне традиционалистских (докапиталистических) обществ Кавказа, Китая и в других регионах мира.

Именно сочетание общинной и частной собственности дают нам на выходе ту модель социальной справедливости, которая основана на *позитивном эгалитаризме*, что предполагает легитимный характер определенного уровня неравенства. Если рассматривать идеальные типы, то именно для общин *поморов, староверов* (и казаков, с некоторыми оговорками) характерна модель позитивного эгалитаризма и общинной демократии; такое понимание социальной справедливости, которое стимулирует развитие, рост богатства отдельных хозяйств и, следовательно, общего богатства общины. Известно множество примеров прекрасной трудовой и бизнес-этики староверов в XIX в., которое они, как люди с крепким духом и верой, сохранили и в советский период.

Социальная справедливость в религиозных традициях христианского мира

О том, что социальная справедливость — категория изменчивая, исторически обусловленная характером эпохи и строем общества, писали еще классики утопического и научного социализма. Как утверждал К. Маркс, «говорить о естественной справедливости — бессмыслица». И с этим можно согласиться, правда с одним но. Мейстримом в научной мысли на Западе является противопоставление *«хорошего (оптимального) сочетания принципов социальной справедливости и прав человека на Западе»* и *«другого (неоптимального) сочетания социальной справедливости с ущемлением прав человека на Востоке»*. Это клише прочно вошло в качестве устойчивого стереотипа, причем без прочного научного обоснования, в основном в англосаксонскую научную школу. Так, известный американский социальный психолог Д. Майерс безапелляционно заявлял, что в цивилизациях Запада и Востока еще до Великих географических открытий сложились принципиально разные по смыслу характеристики понятий «социальное» и «справедливое»; что еще в античной Греции и Древнем Риме сформировался индивидуалистический стереотип поведения, обусловивший приоритет личных целей перед интересами определенной социальной группы. Традиционные же восточные цивилизации, по Д. Майеру, отдают предпочтение коллективным ценностям, которые имеют приоритет перед индивидуальными интересами, при этом человек Востока идентифицирует себя прежде всего с определенным социумом. Отсюда исторически сложились и два подхода к определению прав человека и социальной справедливости¹⁷. Майерс, очевидно, был плохо знаком с историей Китая, где еще много веков назад и даже тысячелетие сформировался обширный слой представителей малого и среднего бизнеса (настоящих капиталистов), которые, правда, государством облагались прогрессивным налогом. Это и являлось основной причиной их эмиграции в более благоприятные для бизнеса края: главным образом — в страны ЮВА. Собственно, обширный слой китайских «хуацяо» в странах ЮВА, образовавшийся еще к XVIII в., — результат такой политики. Китайские правители таким образом ограничивали рост капиталов и доходов, полагая (справедливо), что

¹⁷ См. Майерс Д. Дж. Социальная психология / <http://nkozlov.ru/library/psychology/d4506/>.

большие капиталы непременно захотят и реальной власти¹⁸. Вообще, это характерная особенность либеральной (преимущественно англосаксонской) научной школы — ее склонность к широким обобщениям, при полном игнорировании европейских классиков научной мысли: Г. Лебона, А. де Токвиля, М. Вебера.

Чем же ценно исследование французского ученого-психолога Г. Лебона в интересующем нас контексте? Тем, что он показывает существенные различия в понимании принципов социальной справедливости и прав человека среди народов Европы: «латинян» — католиков, немцев и англосаксов¹⁹. То есть «права человека» и «социальная справедливость» не универсальные для стран Запада категории.

Г. Лебон сформулировал вывод о том, что для православной Греции и католического мира стран Южной Европы характерно примерно единое восприятие принципов социальной справедливости и социалистических идей. Он сравнил психологию социалистических устремлений в Латинской Америке и в странах Южной Европы. Автор особо не вникает в характер верований христиан, но достаточно точно отмечает общие для католиков и отчасти для православных греков психологические черты и распространенность «левых» и патерналистских идей.

Оценивая то, что происходит в последние годы и месяцы в Греции, Италии, Испании и Португалии (в связи с кризисом в ЕС) невольно вспоминаешь Г. Лебона и его прозорливые замечания. Установки на *патернализм и этатизм* — упование на государство как единственный источник справедливого порядка и распределения доходов, неприятие индивидуализма, определенная неразвитость личностного начала, коллективистские ориентации и, по контрасту, слабо выраженные предприимчивость, экономическая активность и мобильность — вот неполный перечень характеристик, которыми награждает Лебон «латинян» и также православных греков. Только немцев Лебон выделяет как народ, для которого в равной мере характерны как черты англосаксов — предприимчивость и инициативность, рационализм и прагматизм — так и черты «латинян» — государственный «патернализм» с элементами социализма.

Но еще до Лебона другой французский социолог А. де Токвиль отмечал, что стремление к свободе у народов континентальной Европы вторично по отношению к стремлению к социальному равенству: «*В истории этих народов равенство предшествовало свободе*»²⁰. Он прозорливо замечает, что вслед за идеей социального равенства неизбежно следует централизация власти, упование на государство как на единственного справедливого арбитра, с неизбежным при этом наступлением на права и свободы граждан. Безусловно, де Токвиль в понятие социального равенства вкладывает прежде всего разрушение сословных перегородок. Но не только это. В условиях все более ярко проявляемого нового разделения на классы (буржуазии — «денежной аристократии» — и пролетариев) он имел в виду и уравнивание в экономических условиях жизни различных социальных слоев.

¹⁸ Илюшечкина В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука, 1986.

¹⁹ Лебон Г. Психология социализма, (1908).

²⁰ Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000, С. 73.

А вот что пишет о католиках М. Вебер, ссылаясь на другого немецкого исследователя — М. Оффенбаха: *«Католик....спокойнее; наделенный значительно более слабой склонностью к приобретательству, он предпочитает устойчивое обеспеченное существование, пусть с меньшим доходом, рискованной, тревожной жизни, подчас открывающей путь к богатству и почестям...»*²¹. Не правда ли, очень похоже на экономическое поведение православного человека, который так же мало (или еще менее) склонен к приобретательству, как католик, и руководствуется ценностями более высокого порядка.

Критически оценивая взгляды Г. Лебона, можно отметить, что психология социализма (установка на принципы социальной справедливости) в его демократической форме и в сочетании с капитализмом была отличительной чертой и в странах некаатолического мира: в Северной Европе, Германии и странах Скандинавии и Прибалтики. Что для этих стран характерно в социокультурном и религиозном плане? Приверженность *лютеранству*, одному из первых течений в протестантизме, начало которому было положено Мартином Лютером. Концепция призвания (в более узком смысле — мирской профессии) Лютера стала тем основанием, на котором сформировалась социальная и трудовая этика лютеран, а впоследствии и бизнес-этика. Лютер, связав мирскую профессию и мирской труд с религией (в понятиях религиозного долга и служения Богу в мирской профессии) заложил основы легитимации методического, рационального и честного труда как подлинно благочестивого образа жизни. В сочетании с концепцией *предопределения* Жана Кальвина, вероучение Мартина Лютера свершило поистине революционные сдвиги в сознании адептов новой религии; соответственно, в механизмах социализации и воспитания. Через ряд поколений сформировалась уже совершенно новая социокультура, разительно отличавшая лютеран от их соседей: католиков или православных. Такое отличие хорошо описано в исследовании российского ученого-этнолога С.В. Лурье социально-экономического поведения финских (лютеран) и русских поморов (православных) крестьян, которые окультуривали новые земли в условиях сурового северного климата²².

В каком сочетании все эти факторы присутствуют в генезисе «северной» (скандинавской) модели социализма, как логически непротиворечиво связано лютеранство с такой моделью социальной справедливости — это отдельный исследовательский вопрос. Я же пока выдвину рабочую гипотезу: дополнительным фактором генезиса «северной» модели социальной справедливости являлось широкое распространение полисного типа поселений (относительно независимых городов и деревень), в сочетании с хуторской системой и слабо выраженный характер сословных различий. Такая культура в сочетании с лютеранской (религиозной) традицией на выходе дает модель социальной справедливости, которую мы можем определять также в терминах *позитивного эгалитаризма*, сочетающего в себе умеренный индивидуализм и высокий уровень трудолюбия и достижительной мотивации, с одной стороны, и социальную солидарность — с другой. Можно утверждать, что для стран Скандинавии и Северной Европы

²¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 66.

²² См. Лурье С.В. Историческая этнология. М., Академпроект «Гаудеамус», 2004. С. 162–166.

характерно даже более глубокое восприятие принципов социальной справедливости, чем принято, например, в современной России.

Другой ареал, *англосаксонский*, формировался преимущественно под влиянием *кальвинистской (протестантской) традиции* и различных сектантских ответвлений от него. В англосаксонских странах, где распространение получили секты кальвинистского толка, дело обстояло несколько иначе: более выраженный индивидуализм, разрыв социальных связей в городах и упование на Божественную предопределенность «личного спасения», когда сомнения в избраннычестве снимались в упорном и честном труде и накоплении капитала (косвенного признака божественной милости).

У А. де Токвиля впервые звучит мысль о связи религии и общественных учреждений, американской модели демократии и социального устройства общества и протестантских идей и ценностей²³. Пионеры освоения Северной Америки в лице пуритан — одной из сект протестантов кальвинистского толка из Англии — как раз и заложили *«основы республиканского общественного строя... оставили своим потомкам привычки, идеи и нравы, необходимые для процветания республики»* — пишет А. де Токвиль²⁴. Для североамериканских протестантов (в основном из Англии) Америка представлялась как «Земля обетованная», как «новый Израиль», дарованный им Богом за верность новому вероучению; а коренные жители этой «обетованной земли» — индейцы представлялись как ханааны-язычники, которых можно истребить или покорить. Сравнивая католиков и протестантов, Токвиль пишет: *«Католичество, приучая верующих к послушанию, готовит их к равенству. Протестантство же, напротив, обычно направляет людей не к равенству, а к независимости... В уме американца христианство и свобода переплетаются так тесно, что он не может представить одно без другого»*²⁵. Пуританские секты, эмигрировавшие в Северную Америку, были представлены в основном людьми третьего сословия, и они покидали Европу вовсе не по причинам социально-экономического характера. Они были движимы исключительным благочестием и своим, специфическим пониманием долга перед Богом.

Поскольку протестантство кальвинистского толка из Англии открыло «ящик Пандоры», с многочисленными интерпретациями Ветхого завета, то и законы, коими руководствовались пилигримы — пионеры освоения Северной Америки, один к одному повторяли положения, целиком взятые из священных книг Библии: «Второзакония», «Исхода» и «Левитов». Вот так и переплелись религия и социальное и политическое устройство в Новой Англии и других колониях пилигримов на новом континенте.

А законы, которыми руководствовались первые протестантские общины в Северной Америке, были, с одной стороны, беспощадны к лености и пьянству, богохульству и прелюбодеяниям и т. д. и т. п., с другой стороны, всячески поощряли дух предприимчивости (в экономической сфере) и независимости, благочестивый образ и стиль жизни. Причем, принцип социального равенства распространялся на сферу гражданских и политических прав и отчасти на эко-

²³ См. Алексис де Токвиль. Указ. соч. С. 43–66, 220–231.

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Там же. С. 221, 224.

номические права, ограничивая право собственности, не позволяя сколачивать большие состояния. Социальная справедливость в американской интерпретации распространялась прежде всего на *гражданскую и политическую сферу отношений* и понималась как индивидуальные свободы и равенство в правах и возможностях; в сфере же экономических отношений принцип справедливости предполагал честность, следовательно, и легитимность средств достижения богатства и накопления капитала. Но еще пару веков назад в этот набор референдов справедливости (в сфере экономических отношений) в США и Канаде входили и религиозные мотивы и ценности. Проще говоря, капитал и богатство — это заслуженная награда за благочестие и усердие на пути Божьем, так это понималось в различных протестантских сектах.

Все вышеперечисленное достаточно точно характеризует особенности восприятия и функционирования моделей социальной справедливости в разных культурах Запада. Как правило, в отечественном научном дискурсе не склонны дифференцировать Запад и принято считать, что «западная модель политэкономического устройства непригодна для России». Но к оценке самого Запада необходимо подходить дифференцированно. На Западе можно выделить как англосаксонский социо-культурный мир, на формирование которого свой заметный отпечаток наложила кальвинистская (протестантская) этика, так и мир, сформировавшийся на основе лютеранства и католицизма. И между ними еще в начале XX в. были очевидны качественные социокультурные различия, в том числе и в понимании социальной справедливости. И именно в рамках англосаксонского мира финансовый капитал победил производственный, в заочном споре выдающихся социологов В. Зомбарта и К. Маркса победил первый. Эта пиррова победа не проходит бесследно не только для стран Запада, но и для всего мира.

Заключение

Принятая в России неолиберальная модель реформ в ряде случаев оказалась неадекватной социо-культурным традициям русского и других коренных народов страны. Копирование и внедрение англосаксонской модели права (в том числе и в социально-экономической сфере) стали одной из причин негативных социальных и политических последствий для страны и общества в целом. Поэтому в первую очередь необходимо поменять «правила игры», на основе новой суверенной **финансовой доктрины**. Это позволит решить проблему демонетизации и недофинансирования социальной политики; расширит инвестиционную базу развития реального сектора и новой индустриализации.

Необходимо отказаться от привычных мифов, поскольку опора на недостоверную статистику приводит к неадекватным государственным решениям. Следует восстановить методический подход, соответствующий международным нормам, которыми определяется «*уровень бедности*», и закрепить новые стандарты минимального потребительского бюджета.

Необходимо по-новому подходить к анализу уровня социального расслоения через *децильный коэффициент*, опираясь на беспристрастные оценки. В рамках такого подхода целесообразно кардинально поменять правила, ко-

которые регулируют уровень доходов (зарплат) работников и топ-менеджмента госучреждений (в вузах и школах, больницах и др. организациях) и различных госкорпорациях и ОАО; привести их в соответствие с европейскими (страны Скандинавии) нормами. Очевидно, пора ввести прогрессивное налогообложение на доходы богатых и сверхбогатых (до 5% населения), которое позволит во многом снять социальное напряжение. В региональной бюджетной политике для решения вопроса о мере справедливости налоговых и прочих отчислений в федеральный бюджет и стимулирования раскрытия налогового потенциала региона необходимо изучить возможности и последствия реализации различных вариантов «расщепления» налогов, поступающих в федеральный бюджет (прежде всего — НДС), в том числе с доведением распределения налогов и вненалоговых сборов между региональными и федеральным бюджетами до соотношения 40:60; внедрения новой системы оценки «честности» (некоррупционности) региональных властей, в которой одним из ключевых индикаторов являлась бы доля налоговых и вненалоговых сборов в ВРП и т. п.